

После обсуждения с редактором эту статью решено выложить в V-доступ в субботу, 25 мая. В тот день будет обновление на десять тысяч иероглифов. Спасибо за вашу поддержку! Сюжет с воссоединением после разбитого зеркала. Учитель и ученик, учитель старше, нетипичное cultivation, гун — дракон. Шэнь Чжи считал, что его жизнь до перерождения была исключительно яркой. Он обзавелся холодным и отстраненным учителем, взял глупого ученика, имел кучу соратников с правильными моральными принципами, а в итоге стал хладнокровным владыкой демонов, которого все преследовали. После перерождения Шэнь Цзяньсю, который только и ждал возможности посеять смуту, больше всего ждал, что в мире cultivation всё еще будут ходить легенды о нем. Однако... в уличных книжках были описаны лишь его многочисленные любовные похождения. ... Должно быть, он открыл книжицу не с той стороны. О? Были там и женщины-культиваторы, это ладно, но почему там был и его учитель, от которого на пять ли вокруг всё замерзало? Этот мир cultivation слишком фантастичен, ему лучше вернуться в землю. Веющий холодом, социофоб, бессмертный дракон-гун × мрачный, параноидальный, меченосец-шоу. Итак, это история о том, как два человека с расстройствами личности причиняют друг другу боль (ложь). □Сеттинг cultivation: Стадия основания (начальная, средняя, продвинутая), Стадия золотого ядра (начальная, средняя, продвинутая), Стадия зарождения духа (начальная, средняя, продвинутая), Стадия разделения духа (начальная, средняя, продвинутая), Стадия пробуждения (начальная, средняя, продвинутая), Стадия великого предела (начальная, средняя, продвинутая), Стадия преодоления скорби. Рекомендую бес-СР книгу моего хорошего друга @Большой Бычок о прыжках между мирами «Перевоплощение: Перековка двадцати четырех сыновних добродетелей»! Обложка предзаказа уже открыта, прошу добавить в закладки. Нажмите на название, чтобы перейти прямо >> Древняя данмэй, младший сверху «Сильнейший даосский партнер» — о паре извращенных даосских партнеров, практикующих путь бесчувствия, ведущий персонаж — шоу, нежный и болезненный гун × холодный и своенравный шоу. Современная данмэй, старший сверху «Конечный кризис» — прохождение уровней в жанре unlimited flow, ведущий персонаж — гун, гун-хулиган × равнодушный NPC-шоу. □На веб-странице нажмите на картинку ниже, чтобы добавить в избранное колонку автора.□

Текст

Содержание еще обрабатывается, пожалуйста, подождите. Шэнь Цзяньсю.

О смерти и возвращении к жизни Шэнь Чжи разговаривал с Сяо Моэр десять с лишним лет назад.

Сяо Моэр был его самым младшим шиди. Когда он поступил в ученики, ему было всего шесть-семь лет. Шэнь Чжи считал его голову безнадежно тупой, но всё же он был лучше тех шисюнов, которые перед людьми были с ним вежливы и учтивы, а за спиной насмехались над ним, называя «притворным эстетом, истинным распутником».

По крайней мере, этот иногда становился умным — например, никогда не хвастался перед ним своими познаниями в «Четверокнижии» и «Пятикнижии», потому что за это его бил «притворный эстет» Шэнь-шисюн.

Поэтому это был единственный человек в горе Ичэн, с которым Шэнь Чжи был готов перекинуться парой слов ни о чем.

— Вернуться с того света? — стоя между двумя высокими и крепкими деревьями фирмианы, Сяо Моэр в маленьком даосском халате поднял на него лицо и, с недоумением глядя на него, спросил: — Это как в книгах, превратиться в цзянши?

Шэнь Чжи фыркнул:

— А превратишься?

Сяо Моэр не знал, да и он на самом деле тоже не знал. Потому что он никогда не думал, что человек может умереть и вернуться к жизни. Будь то он, уже достигший стадии золотого ядра, или Сяо Моэр, всё еще находящийся на стадии основания, пока они не вошли в стадию преодоления скорби, они были лишь из плоти и крови.

Но тогда он думал: если какой-нибудь прославленный бессмертный много лет спустя воскреснет, он будет более всего рад тому, что его имя уже будет жить в веках.

А если это какой-нибудь злой демон...

Пусть даже его имя будет проклято на десять тысяч лет — всё же лучше, чем быть безвестным.

Однако...

Его имя не жило в веках и не было проклято на десять тысяч лет.

В области Моу выпал весенний дождь. Земля на кладбище в предместьях размякла от этого дождя, и стоило слегка наступить — оставался след.

Это место местные называли «Скорбным курганом». Тела, погребенные здесь, в основном были невоинственными, или же это были тела тех, кто совершил тяжкие преступления и был обезглавлен на площади, а их семьи не осмеливались забрать их для захоронения. Самое большее, что они могли сделать — поставить здесь деревянную табличку с годом рождения и смерти и именем.

Когда Шэнь Чжи вылез из-под земли, его голова обо что-то ударилась. Он наугад схватил это — оказалась деревянная табличка, дождем ее вымочило насквозь, и цвет изменился. Он только взглянул на нее и уже собирался отбросить, но почему-то снова взгляделся.

На этой табличке не был написан год рождения, только год смерти. Имя тоже было написано не полностью — только иероглиф «Шэнь». Но этот единственный иероглиф «Шэнь» был написан с таким выдающимся изяществом, что от него было не оторвать глаз.

Шэнь Чжи сел, скрестив ноги, на могильной земле, зажал табличку между большим и указательным пальцами, посмотрел на нее и так и этак, пытаясь выудить из нее еще хоть что-то о себе, но ничего не нашел.

Он только что пробудился от долгого сна. То, что он помнил, было ограничено — свое имя и сцену своей смерти...

Он еще смутно помнил, что стоял на одном колене на земле, а его меч был воткнут рядом, и он, казалось, смотрел в небо на длинную черную тень.

Что это было? Как он умер? О чем он думал перед смертью?

Этого он действительно совсем не помнил.

К счастью, он еще помнил, что, должно быть, был злодеем.

Потому что в тех скудных обрывках памяти была сцена его схватки с группой людей в синих одеждах.

А этих людей в синих одеждах он тоже помнил — это были его бывшие соратники.

Хотя он всегда презирал их, он не мог не признать, что именно они были истинными cultivation-бессмертными, следовавшими принципу «жертвовать собой ради истины», образцом для подражания среди бессмертных кланов.

Помнить это было весьма полезно. По крайней мере, сейчас он не попрется по глупости обратно, чтобы пойматься в ловушку.

А что до остального — будь что будет.

Шэнь Чжи бросил деревянную табличку в Скорбном кургане.

Будь его меч при нем, он, возможно, смог бы улететь с этого пустыря на мече, но, увы, с момента пробуждения он не видел даже тени меча.

Будучи на поздней стадии золотого ядра, он на самом деле уже мог обходиться без пищи, но, не пробовав горячего столько дней, он всё равно чувствовал пустоту в животе, и это было неприятно. К тому же неподалеку раздался вой волков.

Шэнь Чжи обернулся и посмотрел.

В первый день своего возвращения к жизни он поужинал жареным волком.

Волчатина подгорела, была жестковата на вкус, к тому же без приправ, но Шэнь Чжи всё равно уплетал ее с аппетитом, не оставив ни кусочка. Этой ночью он не спал, а, закрыв глаза, сидел в медитации, заодно используя cultivation, чтобы просушить одежду.

К счастью, от cultivation у него осталось по меньшей мере шесть десятых.

Это была самая приятная неожиданность с момента его перерождения.

Раз cultivation сохранился, то что значат те несколько утраченных воспоминаний?

Едва рассвело, он доел оставшееся волчье мясо, поднялся и покинул этот пустырь.

Ближайшее к Скорбному кургану обитаемое место было небольшим городком. Стела с названием города у входа за многие годы выветрилась, и, кроме иероглифа «город», остального иероглифа остался только уголок. Шэнь Чжи, прищурившись, посмотрел на эту злосчастную стелу, но так и не понял, что там было написано.

Он решил, что это скучно, и уже собирался уходить, как вдруг сзади раздался неторопливый голос:

— Этот господин, вы ищете Ван-по, чтобы восстановить душу?

Взгляд Шэнь Чжи похолодел, он быстро обернулся. Всё же при его cultivation, почти достигшей зарождения духа, редко кто мог подобраться к нему почти вплотную, чтобы он этого не заметил.

Но как только его взгляд коснулся этого человека, он сразу успокоился. Это была душа, дряхлая и стоящая на пороге смерти; он не почувствовал её только потому, что в ней почти не осталось жизненной силы.

Заговорив, он, хотя и был насторожен, говорил мягко:

— Ван-по?

Старуха всё так же медленно проговорила:

— В твоём теле три хунь и семь по, не хватает одной хунь и одной по. Ты разве не специально пришел в наш городок к Ван-по восстанавливать душу?

Шэнь Чжи с сомнением спросил:

— Вы можете разглядеть потерявшего душу?

Старуха вдруг расплылась в улыбке:

— Восстановление души — это старинное ремесло, передается из поколения в поколение. Все в нашем городке — наследники. Только вот я слишком стара, уже нет сил этим заниматься... Сейчас в городе только у Ван-по руки золотые. Если хочешь найти, лучше обратиться к ней.

Шэнь Чжи равнодушно сказал:

— Но я не знаю, где потерял свою хунь и по.

— Ай-яй, так нельзя, — старуха выглядела очень встревоженной. — Потерять хунь и по — это может повлиять на тело и срок жизни. Вот как, я научу господина одному способу найти. Встань на месте, прошепчи про себя свое имя, а затем сделай по шагу в каждую из четырех сторон света — на восток, юг, запад и север. В какую сторону почувствуешь, что память немного возвращается, в ту и иди.

Шэнь Чжи нахмурился:

— И всё?

— Да, — старуха кивнула.

Шэнь Чжи изначально не заикливался на утраченных воспоминаниях, не слишком его заботил и срок жизни, но при мысли о том, что его хунь и по могут быть в чужих руках, ему становилось противно.

Поэтому он всё же последовал совету и попробовал этот способ.

Он медленно ступил носком на запад.

В голове было пусто — никаких ощущений.

Затем на юг.

Особых надежд на этот метод он не возлагал, но на этот раз, когда носок коснулся земли, он действительно почувствовал, как в голове что-то промелькнуло.

Но это было слишком мимолетно, он даже почти принял это за галлюцинацию.

Он помедлил и сразу повернулся на север.

Ничего не произошло. Всё, что должно было быть пустым, оставалось пустым.

Наконец, на восток.

После того, как он трижды прошептал про себя «Шэнь Чжи», в голову внезапно ворвалась более четкая, чем прежде, картина.

Он увидел чьи-то сцепленные руки. У человека, появившегося первым, лица не было видно — только отрезок белоснежной, как снег, шеи, а ниже — обнаженные плечи, на одном из них, с изящным изгибом, был небольшой шрам, по форме немного странный, похожий на изогнутый полумесяц.

Казалось, за окном шел дождь — не было слышно человеческих голосов, только стук дождевых капель о каменные ступени перед дверью, в котором слышался звон упавшей бамбуковой занавески. Затем в поле его зрения наконец появилось его собственное лицо, слегка приподнятое, словно он собирался кого-то поцеловать.

Но тут картинка оборвалась.

Шэнь Чжи:

...

Что за ерунда?

— Господин? Господин? — старуха, видя, что он застыл, окликнула его.

Шэнь Чжи опустил взгляд и посмотрел на нее.

— Должно быть, в юго-восточном направлении, — сказал он. Выражение его лица было спокойным, таким серьезным, что невозможно было представить, что он только что видел.

Старуха не стала вникать, а только проникновенно сказала:

— Тогда ступай. Если найдешь, возвращайся в этот городок, Ван-по — добрая женщина, она поможет.

Шэнь Чжи рассеянно «мм»кнул и собрался идти на юго-восток.

Но, проходя мимо старухи, вдруг услышал ее скорбный голос:

— Ай, ай, а я-то думаю, почему господин кажется знакомым, я точно тебя раньше видела.

— М? — Шэнь Чжи остановился и посмотрел на нее.

Старуха помолчала, словно пытаясь вспомнить. Она была стара, и прежде чем сказать что-то, ей приходилось подумать, опасаясь сказать глупость. Поэтому прошло время, прежде чем она продолжила:

— Если я не ошибаюсь, тогда в руках у господина была девушка...

Девушка?

Какая девушка?

Неужели... его жена? Он был женат?!

Неудивительно, что первое, что пришло ему в голову, — это такие отношения. Просто увиденное только что потрясло его.

— Та девушка тогда была вся в крови, так жалко...

— А потом? — Шэнь Чжи нахмурился, выражение его лица было довольно безучастным, ведь он действительно ничего не помнил. Даже если эта девушка и была с ним связана, он сейчас, слушая о ее горестной судьбе, не чувствовал ничего.

— Потом? — старуха замерла, забормотала: — Потом, потом... я забыла.

Шэнь Чжи:

...

Не стоило ему возлагать надежды на эту полумертвую старуху.

Он махнул рукой, собираясь уходить, но вдруг заметил, что вдаль, в тумане дождя, показался еще один человек. Одна рука держала пожелтевший промасленный бумажный зонт, другая бесцеремонно тащила кого-то за шиворот, словно груз, прямо к входу в городок.

Этот человек не удостоил Шэнь Чжи и взглядом, без малейшего колебания подошел к старухе и, опустив голову, спросил:

— Прошу прощения, не подскажете, здесь живет Ван-по, которая восстанавливает души?

— А, да, — медленно проговорила старуха. — Пройдешь в этот городок, и у одного дома увидишь красные амулеты на двери — это она и есть.

Красные амулеты — это то, что народные умельцы, владеющие тайными искусствами, часто любят вешать на дверях своего дома. Никакой особой пользы от них нет, просто демонстрация своего статуса. На амулетах обычно пишут свою фамилию, иногда рисуют свое животное-покровитель.

— Бабушка, если душа покинула тело на год-другой, ее еще можно восстановить? — голос того человека тоже звучал холодно, но слова были гораздо вежливее, чем у Шэнь Чжи.

Шэнь Чжи, однако, не обратил на это внимания. Он только посмотрел на того бедолагу, которого силком притащили, и, прищурив свои длинные, узкие глаза, подумал, что тот выглядит довольно жалко.

Старуха, видимо, была от природы беспокойной. Услышав это, она сразу заговорила:

— Как же это так долго без души?

Тот ответил:

— В городе Моу недавно объявилась банда злых даосов, наживаются на продаже душ. Этот господин тоже пострадал — он потерял душу больше года назад и лишь недавно пришел за помощью в гору Ичэн. Мы по приказу клана спустились с горы и вернули часть душ, но большинство пока не найдено, поэтому мы решили сначала восстановить душу этому господину, а потом будем думать дальше.

Шэнь Чжи слушал его, и выражение его лица оставалось невозмутимым. Однако при словах «гора Ичэн» он не мог не взглянуть на юношу перед собой повнимательнее.

Занятно, встретить земляка на чужбине.

□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□

На этот раз шоу будет немного невротичным шоу~ Надеюсь, вы его не возненавидите. Если не будет неожиданностей, до того, как закончатся заготовки, эта глава будет обновляться каждый день, кроме вторника и четверга!

PS: Некоторые секреты в этой истории заложены довольно рано, но вам не стоит слишком заикливаться на этом, просто следуйте за историей~ Спасибо за чтение, если понравилось, добавьте в закладки~

Встреча здесь в сумерках, в тот час дождь и холод

Содержание еще обрабатывается, пожалуйста, подождите. Сигнальная ракета.

Только...

Он невольно покосился на того самого господина, которого тащили всю дорогу, и у которого вся спина была в грязи.

Люди с горы Ичэн теперь такие грубые?

В этот момент тот господин как раз очнулся. Сначала он был в замешательстве, потом поднял голову, и, увидев мрачное лицо молодого даоса, его зрачки расширились.

— Отпусти меня! Отпусти! Не нужна мне душа! Не надо! — он начал отчаянно вырываться, размахивая руками и ногами, но, поняв, что не может освободиться от хватки, сдался и, вытирая глаза, жалобно заскулил: — Даос, я виноват, я правда виноват, я не должен был грабить и насиловать, не... не должен был убивать и поджигать, я виноват, отпусти меня... Я сейчас ничего не помню, дай мне начать новую жизнь! В будущей жизни я стану твоим рабом или конем! Умоляю, пощади меня на этот раз!

Даос с горы Ичэн холодно посмотрел на него, казалось, не желая с ним разговаривать, но из чувства долга был вынужден ответить, отчего его выражение лица стало особенно мрачным, словно у него только что умерли родители.

— Нет.

Всего два слова лишили этого господина воли к жизни.

Видимо, всю дорогу даос изрядно его измотал.

— Ты! — тот господин был смел, он не пал духом, а, наоборот, заорал: — Вы, с горы Ичэн, разве не считаете себя благородным кланом?! Благородный клан вместо того, чтобы разбираться со злыми даосами, берется за простых людей вроде меня! Думаешь, я не донесу на тебя Бессмертному надзирателю?!

У cultivation-кланов, естественно, тоже было начальство. Тот, кто отвечал за управление и улаживание споров, назывался Бессмертным надзирателем.

Этот человек не обязательно был самым сильным в cultivation, но у него был самый большой авторитет. И, кроме того, он не принадлежал ни к одному из кланов.

Молодой даос нахмурился. Выслеживая утраченную душу этого человека, он случайно узнал о его грязных делишках, поэтому задал пару вопросов и действительно слегка наказал его. Кто ж знал, что этот человек, мучимый совестью, сам прибавит к его «убийствам и поджогам» еще и «грабежи и насилия».

Он, конечно, был грубоват, но на самом деле не собирался ничего делать этому человеку. В конце концов, в учении клана было сказано: не поднимать руку на простолюдинов.

И, честно говоря, он действительно боялся, что этот человек донесет на него Бессмертному надзирателю.

— Как хочешь, — тихо сказал он. — Я отвечаю только за восстановление твоей души. А то, что ты делал раньше, я не... — он запнулся и с отвращением закончил: — Не буду вмешиваться. Смотри, больше так не делай.

Тот господин поспешно закивал:

— Конечно! Конечно!

Только тогда молодой даос отпустил его воротник, позволив ему встать, и повел его в городок.

Когда он вывел уже восстановленного в душе человека, прошел час. Тот мужчина семенил за ним, но, выйдя из городка, сразу бросился наутек. Молодой даос не стал его задерживать, потому что, обернувшись, заметил, что у стелы с названием городка стоит человек, одетый в простую белую одежду. Черты его лица не были особенно красивы, но его теплые и ясные персиковые глаза, словно завершающий штрих, смягчили его изначально жесткие черты, придав им некую нежность. Увидев, что даос вышел, этот человек даже отвесил ему даосский поклон.

Молодой даос машинально ответил на поклон, но услышал от Шэнь Чжи:

— Даос, наконец-то вышли.

— Вы... ждали меня? — удивился он.

— Да.

Шэнь Чжи улыбнулся:

— Даос, честно говоря, я тоже по недосмотру потерял одну хунь и одну по. Я слышал, вы сказали, что вернули много душ у тех злых даосов. Не могли бы вы дать мне посмотреть, нет ли среди них моей?

— Когда вы потеряли душу?

— ... — первый же вопрос поставил Шэнь Цзяньсю в тупик. Он сказал: — Забыл.

Даос, к удивлению, не заподозрил подвоха. Может, он уже сталкивался с такими «простыми людьми», которые ничего не могли ответить, и спокойно сказал:

— Ничего страшного. Я положил все возвращенные души в мешок для душ. Если среди них есть ваша, мешок отреагирует, как только приблизится к вам.

— М... — Шэнь Чжи медленно кивнул и вдруг, вспомнив что-то, спросил: — Даос, а вы, когда касаетесь души, можете видеть воспоминания ее владельца?

Cultivation Шэнь Чжи был выше, и он сразу определил cultivation даоса.

Должно быть, начальная стадия золотого ядра.

Если... на начальной стадии золотого ядра уже можно видеть воспоминания души, то, если cultivation будет выше, можно будет изменять или путать воспоминания? Если его душа попадет в руки такого человека, то, даже если он ее вернет, можно ли ей будет доверять?

Молодой даос, cultivation которого был ниже, не мог определить уровня Шэнь Чжи и принимал его за обычного человека. Услышав этот вопрос, он без раздумий ответил с неудовольствием:

— Конечно, нет. — Ему показалось, что этот мужчина принял его за извращенца, любящего подглядывать за чужими воспоминаниями, поэтому его тон был несколько резок: — Господин, не поймите меня превратно. Я сказал это, чтобы припугнуть его. О его делах я узнал случайно. К тому же мой учитель говорил, что по одной душе невозможно узнать воспоминания человека. — Эти последние слова явно были попыткой доказать свою невиновность.

Шэнь Чжи подумал: «Ну и хорошо».

<http://bllate.org/book/18833/1833670>